

А. А. Аксёникова

ИЗМЕНЕНИЕ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ КОНЦЕПТА «КИТАЙ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ В ПЕРИОД С 1917 ПО 2017 ГОД

На материале Национального корпуса русского языка рассматривается формирование концепта «Китай» в русской языковой картине мира в период с 1917 по 2017 годы. Описаны этапы, для которых наиболее характерными являются отдельные компоненты образа Китая.

«Концепт – это отражающее культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия многомерное ментальное образование, которое имеет вербальное выражение» [1, с. 23]. Содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей.

Исследование формирования концепта «Китай» в русской языковой картине мира производилось на основе данных Национального корпуса русского языка [2] в период с 1917 по 2017 годы. Корпус содержит фрагменты художественных произведений, газетные и журнальные статьи разной тематики и специальные тексты (научные, научно-популярные и учебные).

Основные признаки концепта «Китай» имеют историческую стабильность. Китай – это уникальная цивилизация: Поэты – китайцы. Китай – вечность, неподвижность (Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930–1959)). Китай является экзотической, многонаселённой страной: На других часах китайские болванчики принимались в момент боя серьёзно и укоризненно качать головами, их голые животы лоснились, и Миша Васильев представлял себе удивительный, волшебный Китай с золотыми драконами и заморскими птицами... (Вл. Лидин. На завалинке // «Огонек», № 11, 1959); Самой населённой страной мира остаётся Китай (1 млрд 387 млн человек) (Коротко // «Эксперт», 2013). Китай – это древние культурные традиции и трудолюбивые люди: Китайский цирк и пекинская опера – драгоценности национальной культуры (Дмитрий Козырев. Великий труд, подчёркнутая лёгкость // «Зеркало мира», 2012); И конечно же, весь мир надеялся на трудолюбивый Китай (Юлия Ефимова. Пшеница – хит сезона на продовольственном рынке (2002) // «Финансовая Россия», 2002.09.19).

Необходимо отметить, что интерес к Китаю постоянно меняется, причём резкое его увеличение началось с 2000-х годов и не прекращается до настоящего времени. Это нашло своё отражение, в первую очередь, в росте количества газетных и журнальных публикаций. На протяжении 100 лет менялись не только степень интереса к Китаю, но и представление о нём. Выделяются следующие этапы, для которых наиболее характерными являются отдельные компоненты образа Китая.

1. После Октябрьской революции 1917 года Китай стал занимать весьма существенное место во внешней политике России. В формировании его образа активное участие принимает пресса. Характерно то, что в прессе Китай – это прежде всего народ. Народ – жертва, страдающая под гнётом империализма: В течение многих лет, пользуясь феодальной раздробленностью Китая и продажностью китайских милитаристов, японский империализм, при помощи сравнительно небольших вооружённых отрядов, грабит и притесняет китайский народ (Подрывная работа японской разведки (1937)). Народ – борец за свою свободу: Китайские революционеры, вдохновляясь примером нашей революции, стремятся освободить Китай от экономического гнёта мирового империализма (Колонизация Азии // «Всемирный следопыт», 1927). В то время как в художественной литературе Китай отождествляется с экзотическими вещами: В китайский красный халат был одет барин, с золотыми головастыми змеями, и золотая мурломка сияла на голове, как солнце (И. С. Шмелев. Неупиваемая чаша (1918)); В тихой

прохладе кабинета шумел шёлковыми крыльями **китайский веер-вентилятор** под потолком и журчал размеренный адвокатский баритон президента (Б. А. Лавренев. Крушение республики Итль (1925)); Чай подавался самый китайский, самый душистый и сколько хочешь (А. М. Ремизов. Кукха. Розановы письма (1923)).

2. 40-е – 50-е годы ознаменованы тем, что основным вектором отношения к Китаю было рассмотрение этой страны с позиций нерушимой советско-китайской дружбы. Количество упоминаний о стране в прессе резко возрастает. Характерной чертой является доминирование политического компонента над культурным. При этом появляется новый аспект концепта «Китай» – друг: Народный Китай одерживает победы, опираясь на дружбу и помощь первой в мире страны социализма – Советской страны (В свободном Китае // «Крестьянка», 1954). В связи с этим, когда речь идёт о китайском народе, строящем новое общество, появляется постоянный эпитет – великий, имеющий позитивную коннотацию: К социалистическому лагерю примкнул великий китайский народ, сбросивший цепи многовекового рабства и угнетения (Историческая победа советского народа (1950.05.09) // «Советское искусство», № 25 (1217), 1950). Величие и мощь народа подчеркивается эпитетом многомиллионный: На пороге гигантских экономических и политических преобразований стоит многомиллионный Китай (И. Флоринский. Против вандализма! (1950.05.09) // «Советское искусство», № 25 (1217), 1950). Китай предстаёт как носитель древней цивилизации: Великий китайский народ обогатил мировую культуру многими важными открытиями и замечательными достижениями в области литературы, искусства и науки (Д. М. Российский. Из истории китайской медицины // «Наука и жизнь», 1951).

3. Резкий поворот в отношениях между странами в период 60-х – начала 80-х годов сопровождается уменьшением частотности употребления слов *Китай, китайский* в прессе, а также наличием в структуре концепта, помимо нейтральных семантических составляющих, компонентов, несущих отрицательную оценку.

С одной стороны, концепт обладает высоким культурным статусом, актуализируются такие его аспекты, как родина известных мудрецов и великих изобретений: *Китай не случайно оказался родиной фарфора – только в этой стране существуют месторождения так называемого фарфорового камня* (Не боги горшки обжигают // «Химия и жизнь», 1967); *Один из отцов акупунктуры, китайский врач в седьмом, кажется, веке, поднялся талантом своим до исключительных высот врачевания* (Владимир Маканин. Утрата (1984)); *Китайский мудрец Лао Цзы ещё две с лишним тысячи лет тому назад утверждал: «В несчастье живёт счастье, в счастье таится несчастье»* (Григорий Коган. Работа пианиста (1963)). С другой стороны, в связи с разногласиями в области внутренней и внешней политики, Китай – это страна, представляющая опасность. Отрицательную коннотацию содержат такие сочетания, как *внести вражду, развязать войну*. Характерно, что в этом случае Китай ассоциируется с государством, а не народом: *Китай стал, по существу, единственной державой, руководство которой официально отвергло разрядку и использует все доступные ему средства, чтобы внести вражду в отношения между народами* (В. Лабутин. Парламент народов // «Огонек», 1980); *А может быть, Китай сам собирается развязать войну?* (Д. Карпиль. Записки дипломата. Китай после «Культурной революции» (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05). Формируется образ отсталой в культурном отношении страны. Негативная оценочность усиливается определением *единственная: Китай сейчас, видимо, единственная страна в мире, где нет художественной литературы* (Д. Карпиль. Записки дипломата. Китай после «Культурной революции» (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05).

4. Конец 80-х – начало 2000-х годов ознаменованы новым взглядом на Китай, повышенным интересом к его экономике и культуре, который фиксируется в прессе. Представление о Китае как о бурно развивающемся регионе складывается на основе семантики часто повторяемой лексемы *реформа: Китай с его бурно развивающейся реформируемой экономикой, безусловно, является одним из наиболее ёмких рынков, потребляющих разнообразную экономическую информацию, распространяемую мировыми агентствами новостей* (Андрей

Смирнов. Китай вводит ограничения на информацию (1996) // «Коммерсантъ-Daily», 1996.01.17). Создаётся образ уникальной страны, выбравшей свой – непохожий на другие – «китайский путь», или «китайский вариант», который может быть предметом для подражания: *У нас очень любят приводить в пример **Китай**, что, мол, там реформы осуществляются другим путём* (Дмитрий Негреев. Мы собрались не к теще на блины // «Свободный курс», 1997); *Почему же в России не осуществилось нечто, похожее на **китайский вариант**?* (Владимир Хорос. Полупериферия в контексте глобализации // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.09). Однако этот образ не является исключительно положительным. Китай ассоциируется с товарами сомнительного качества: *Разок смотался в **Китай** – за куртками из подозрительной кожи* (Андрей Кучаев. В германском плену // «Октябрь», 2001). Оценочная противоречивость подчёркивается антитезой – «партнёр-противник». С одной стороны: ***Китай** – потенциальный противник, рвётся в Сибирь и на Дальний Восток* (Александр Проханов. Господин Гексоген (2001)). А с другой – ***Китай** – один из ключевых партнёров России не только в региональных, но и в глобальных делах* (Г. Логвинов. Шанхайская организация сотрудничества – качественный шаг вперед (2002) // «Проблемы Дальнего Востока», 2002.10.28).

5. На протяжении последних десятилетий можно видеть обновление смыслового наполнения концепта «Китай», обусловленное новыми социальными, экономическими, политическими, культурными реалиями общества. Китай предстаёт в прессе как очень развитая и влиятельная страна: ***Китай** стал великой индустриальной державой и претендует на реализацию своей экономической мощи в политической сфере* (Руслан Гринберг, Александр Трушин. У нас с Китаем больше конкуренции, чем кооперации // «Огонек», 2015). Основным семантическим компонентом концепта в современном русском языковом сознании является *лидерство*: *Итак, **Китай** медленно, но верно выдвигается в лидеры мировой космонавтики* (Александр Волков. Приватизация космоса // «Знание-сила» 2013). ***Китай** лидирует в экспорте информационно-коммуникационных технологий, опережая США* (А. А. Дынкин. О перспективах глобального инновационного развития (2008) // «Вестник РАН», 2009). Для создания более яркого образа Китая используются метафоры: ***Китай** стал заметным глобальным и ключевым (после Японии) игроком региональной восточно-азиатской экономики* (Три аспекта «глобальной проблемы» Китая (2004) // «Металлы Евразии», 2004.04.23). Роль, которую играет Китай в мире, подчёркивается словом *самый*, имеющим положительную коннотацию: ***Китай** на ближайшие годы останется самым перспективным рынком мира*. (Владимир Павлов. GM и Volkswagen инвестируют миллиарды долларов в новое производство в Китае // РБК Дейли, 2014.04.22). Уверенность в важности изучения *китайского языка* дополняет образ сильного, влиятельного государства: *Согласно опубликованному в Пекине докладу, китайский язык ныне преподаётся в более чем двух тысячах вузов почти ста государств* (В. В. Овчинников. Размышления странника (2012)). И в ближайшем будущем Китай видится ведущей страной мира, закрепившей лидерскую позицию: *К 2020 году **Китай**, по прогнозам, станет экономической номер один в мире* (Иван Антонов, Константин Волков. Китай меняет руководство // «Известия», 2012.11.08).

Таким образом, концепт «Китай» в русской языковой картине мира – это ментальное образование, отражающее систему представлений об определённом фрагменте действительности. Он обладает исторической изменчивостью, которая обусловлена динамикой отношений между концептуализируемой страной и СССР (Россией).

Список использованных источников

- 1 Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов : СГУ, 2005. – 165 с.
- 2 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/> – Дата доступа : 02.09.2017.